

УДК 002.2(470.23-25)(092)
<https://doi.org/10.20913/1815-3186-2026-2-8>

Письма В. С. Люблинского из блокадного Ленинграда 1941 г.

Д. А. Эльяшевич[✉], Е. Ю. Иконникова



**Эльяшевич
Дмитрий Аркадьевич,**

Санкт-Петербургский
государственный
институт культуры
Дворцовая наб., 2,
Санкт-Петербург,
191186, Россия,
доктор исторических
наук, профессор,

заведующий кафедрой медиалогии
и литературы

ORCID: 0000-0003-0197-6278

SPIN: 6368-1238

e-mail: dmitry@elyashevich.ru



**Иконникова
Екатерина Юрьевна,**

Санкт-Петербургский
государственный
институт культуры
Дворцовая наб., 2,
Санкт-Петербург,
191186, Россия,
аспирант кафедры
медиалогии
и литературы

ORCID: 0009-0007-3941-9289

SPIN: 3197-6481

e-mail: eyikon@mail.ru

Аннотация. В. С. Люблинский – выдающийся историк-медиевист, книговед, специалист в области палеографии и реставрации письменных памятников, многие годы проработавший в Государственной публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Фигура этого ученого представляет значительный интерес не только благодаря его фундаментальным научным трудам, но и как пример стойкости в тяжелейших условиях военного времени. Целью статьи является изучение внутреннего мира ученого, его переживаний, повседневных забот и интеллектуальных устремлений в первые месяцы блокады Ленинграда. Источником для анализа послужили ранее неопубликованные письма В. С. Люблинского, написанные в Ленинграде во время Великой Отечественной войны и хранящиеся в личном архивном фонде ученого в отделе рукописей Российской национальной библиотеки. В статье представлены и проанализированы фрагменты его переписки с супругой Александрой Дмитриевной Люблинской, находившейся в 1941–1944 гг. в эвакуации.

Ключевые слова: В. С. Люблинский, А. Д. Люблинская, биография, личный архивный фонд, переписка, блокада Ленинграда, Российская национальная библиотека

Для цитирования: Эльяшевич Д. А., Иконникова Е. Ю. Письма В. С. Люблинского из блокадного Ленинграда 1941 г. // Библиосфера. 2026. № 2. С. 91–99. <https://doi.org/10.20913/1815-3186-2026-2-8>

Letters by V. S. Lyublinsky from Besieged Leningrad in 1941

Dmitry A. Elyashevich , Ekaterina Yu. Ikonnikova

Elyashevich

Dmitry Arkadievich,
Saint Petersburg State Institute
of Culture,
2-4 Dvortsovaya naberezhnaya,
Saint Petersburg, 191186, Russia,
Doctor of Historical Sciences,
Head of the Medialogy and
Literature Department

ORCID: 0000-0003-0197-6278

SPIN: 6368-1238

e-mail: dmitry@elyashevich.ru

Ikonnikova Ekaterina Yurievna,

Saint Petersburg State Institute
of Culture,
2-4 Dvortsovaya naberezhnaya,
Saint Petersburg, 191186, Russia,
Graduate Student, Department
of Media Studies and Literature

ORCID: 0009-0007-3941-9289

SPIN: 3197-6481

e-mail: eyikon@mail.ru

Abstract. V. S. Lyublinsky is an outstanding medieval historian, bibliologist, and specialist in paleography and the restoration of written monuments, who has worked for many years at the M. E. Saltykov-Shchedrin State Public Library. The figure of this scholar is of considerable interest not only because of his fundamental academic contributions, but also as an example of resilience under the most severe conditions of wartime. The primary aim of this article is to examine the scholar's inner world, his experiences, everyday concerns, and intellectual aspirations during the first months of the siege of Leningrad. The principal source for this study consists of previously unpublished letters by V. S. Lyublinsky, written in Leningrad during the Great Patriotic War and preserved in the scholar's personal archival fond in the Manuscripts Department of the National Library of Russia. The article presents and analyzes selected fragments of his correspondence with his wife, Alexandra Dmitrievna Lyublinskaya, who was in evacuation from 1941 to 1944.

Keywords: V. S. Lyublinsky, A. D. Lyblinskaya, biography, personal archive fund, correspondence, the siege of Leningrad, Russian National Library

Citation: Elyashevich D. A., Ikonnikova E. Yu. Letters by V. S. Lyublinsky from Besieged Leningrad in 1941. *Bibliosphere*. 2026. № 2. P. 91–99. <https://doi.org/10.20913/1815-3186-2026-2-8>

Received 24.03.2026

Revised 13.05.2026

Accepted 02.06.2026

Введение

У всех, кто пережил 900 страшных блокадных дней, своя война, свой взгляд на события, свои ощущения и переживания. Вместе с тем немецко-фашистская блокада была общей трагедией ленинградцев, складывавшейся из личных потерь и лишений каждого жителя города на Неве. Лучше всего понять это соотношение общего и частного, индивидуального и коллективного позволяют эго-документы того времени. Традиция их публикации и изучения чрезвычайно богата и продолжает активно развиваться. Достаточно вспомнить такие издания, как «“Я знаю, что так писать нельзя”. Феномен блокадного дневника» [2022], «Блокадной памяти страницы. Сборник воспоминаний блокадников» [2018], «Блокадные нарративы» [2017], «Повседневная жизнь блокадного Ленинграда» [2013] и многие другие.

Уже давно самостоятельной темой публикационной активности и исследований стала история библиотек блокадного Ленинграда и военная биография их сотрудников (см., например, Библиотеки блокадного города [Варганова и др., 2019]). Особенно пристальное внимание уделено деятельности в 1941–1945 гг. Государственной

публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (далее – ГПБ; ныне – Российская национальная библиотека, РНБ) – крупнейшего книгохранилища северной столицы, фонды которого являются национальным достоянием. В качестве примеров можно привести монографию Г. В. Михеевой «Российская национальная библиотека в годы Великой Отечественной войны (1941–1945)» [2020] и обширный сборник документов «Публичная библиотека в годы войны, 1941–1945» [2005]. Однако следует признать, что история ГПБ военных лет остается не до конца изученной и осмысленной.

В связи с этим большой интерес представляют письма, которые сотрудник ГПБ В. С. Люблинский на протяжении 1941–1942 гг. отправлял из блокадного Ленинграда своей жене А. Д. Люблинской, тоже работавшей в библиотеке и находившейся в это время в эвакуации.

Эпистолярное наследие В. С. Люблинского

Владимир Сергеевич (Мовшевич) Люблинский (Нахимович) (1903–1968) – выдающийся советский книговед, историк-медиевист, палеограф, реставратор. Люблинский много

десятилетий проработал в ГПБ, после чего был назначен директором Лаборатории консервации и реставрации документов АН СССР. Он был одним из тех, кто в блокаду не только сохранял бесценные книжные фонды главной библиотеки Ленинграда, но и продолжал заниматься научными исследованиями. Будучи выходцем из богатой купеческой семьи, в которой образованию и культуре уделялось первостепенное внимание, Владимир Сергеевич с детства вел дневники и обширную переписку, приучив себя доверять бумаге самые сокровенные чувства, мысли и переживания. Это было для него не просто привычкой, а своего рода способом существования.

В. С. Люблинский был чрезвычайно эрудированным человеком и обладал широчайшим кругом интересов. Он живо интересовался самыми разными вопросами жизни и науки – от общих закономерностей исторического развития и сложных экономических теорий до тонкостей музыкального искусства и концепций различных философов. Эта многогранность постоянно отражалась в его письмах: в них можно встретить и глубокие размышления о текущих событиях, и наблюдения за окружающим миром, и неожиданные параллели между, казалось бы, далекими явлениями. Письма ученого были своего рода инструментом самоанализа и самоконтроля. Они не просто фиксировали факты или передавали бытовые подробности, но содержали философские рассуждения, тонкие психологические наблюдения и искренние признания. Эти письма открывают перед нами человека, глубоко интересующегося сущностью человеческой природы, ее слабыми и сильными сторонами.

В фондах Европейского университета в Санкт-Петербурге хранится часть личного архива В. С. Люблинского, в том числе документы, относящиеся к периоду его жизни в блокадном Ленинграде: дневники, переписки, заметки, поэтические наброски. Некоторые из них были в свое время опубликованы в сборнике «В память ушедших и во славу живущих. Письма читателей с фронта. Дневники и воспоминания сотрудников Публичной библиотеки. 1941–1945» [1995, с. 147–200]. Существенно больший массив материалов В. С. Люблинского, находящийся в отделе рукописей Российской национальной библиотеки (РНБ), остается до сегодняшнего дня неопубликованным. Лишь Л. Б. Вольфцун использовала несколько документов в своей работе, посвященной биографии С. В. Люблинского [Вольфцун, 2008].

Коллекция почтовых открыток и писем жене А. Д. Люблинской, датированных 1941–1944 гг.¹, составляет 279 листов. Особый интерес

представляют письма первых месяцев жизни В. С. Люблинского в блокадном Ленинграде, относящиеся к сентябрю – декабрю 1941 г. (11 почтовых открыток и 16 писем с конвертами, отмеченными штампом «проверено военной цензурой»)². В них запечатлен не только внешний ход событий, но и внутренний мир людей, столкнувшихся с невиданными ранее испытаниями. При помощи этих писем можно проследить смену настроений как самого Владимира Сергеевича, так и многих других ленинградцев: от растерянности первых недель, когда еще никому не верилось в реальность угрозы, до суровой сосредоточенности поздней осени и начала зимы, когда голод и холод стали трагической повседневностью³. Ученый, который еще с гимназической скамьи придавал огромное значение морали и нравственным принципам, писал жене о своих наблюдениях, в первую очередь за самим собой, оправдывался за несвоевременные мысли, когда «экстремальные условия провоцируют смещение понятий» и происходит «размывание прежних этических норм». «Мне право пора отрешиться от мечтаний о научной работе, о какой-то целостности внутренней жизни, о “философировании” [так в тексте. – Д. Э., Е. И.] на прежний манер», – как бы подводил он итог своим чаще всего неведомым размышлениям.

Письма В. С. Люблинского к жене, написанные в годы Великой Отечественной войны, в какой-то мере заменяли для него традиционную форму дневниковых записей, обретая особую глубину и откровенность. Александра Дмитриевна не просто читала их, но и эмоционально откликалась на все переживания мужа. Ее ответы давали Владимиру Сергеевичу ощущение живого диалога, укрепляли душевные силы. Эта двусторонняя эмоциональная связь превращала переписку в общение, в котором отражалась не только хроника текущих событий, но и развитие человеческих отношений на фоне трагических страниц в истории страны.

Блокадные будни ленинградского интеллигента

Великая Отечественная война застала В. С. Люблинского в разгар научной работы на посту заведующего отделением инкунабул, альдин и эльзевиров ГПБ. 22 июня 1941 г. он был официально уволен из ГПБ в связи с мобилизацией и назначен заместителем начальника штаба Местной противовоздушной обороны (МПВО) Куйбышевского района

² Люблинский В. С. // ОР РНБ. Ф. 1268. Оп. 1. Ед. хр. 1467.

³ Письма А. Д. Люблинской были опубликованы отдельно в сборнике РНБ: История библиотек: исследования, материалы, документы. Санкт-Петербург, 2006. С. 307–417.

¹ Люблинский В. С. // ОР РНБ. Ф. 1268. Оп. 1. Ед. хр. 1467–1471.

Ленинграда [Враская, 1987, с. 238]. В его задачи входило участие в оперативном управлении деятельностью районного МПВО, в том числе координация работы различных служб (противопожарной, медико-санитарной, аварийно-восстановительной), планирование мероприятий по защите населения и инфраструктуры, а также взаимодействие с другими подразделениями МПВО города [Краткий словарь..., 1958, с. 168]. Жена ученого, известный историк и палеограф А. Д. Люблинская, в августе 1941 г. была эвакуирована в совхоз села Вавилово Пермской (тогда Молотовской) области. Буквально с первых дней разлуки началась их переписка, длившаяся до возвращения А. Д. Люблинской в Ленинград весной 1944 г.

Первую весточку В. С. Люблинский отправил жене 15 сентября 1941 г. в виде почтовой открытки⁴. Такая форма была очень удобна, так как открытка находила адресата быстрее, чем обычное письмо. Она дошла до Молотовской области за 13 дней. По словам А. Д. Люблинской, «это была первая весточка из Ленинграда не только для меня, но и для всех здешних ленинградцев» [История библиотек..., 2006, с. 312]. Содержание открытки посвящено исключительно бытовым вопросам: описание текущей жизни – своей, общих друзей и знакомых. Лишь одна-единственная фраза напоминала в ней о войне: «У нас все цело, даже окна»⁵.

Однако спустя всего неделю тон корреспонденции изменился. В тексте, написанном мелким убористым почерком, уже отчетливо чувствовалась тревога. В. С. Люблинский сообщал, что некоторые знакомые пропали без вести, другие спешно переезжают из своих квартир. Причиной таких перемещений зачастую становилось не разрушение домов в результате попадания снарядов и бомб, а страх оставаться в квартирах на верхних этажах, так как при артобстрелах они оказывались наиболее уязвимыми. Именно поэтому в квартире у Люблинских на первом этаже дома № 7 в Графском переулке «поселилась Вера Эдгаровна»⁶ с дочкой, хотя ее жилье и целое, но жить в пятом этаже она боится»⁷.

В длинном письме, датированном 27 сентября 1941 г., тревожных переживаний о будущем было еще больше. В его строках звучит боль необратимых перемен: «Дома все изменилось до неузнаваемости. Все изменила война и всех нас изменяет она в момент, когда враг у самых подступов к городу»⁸. В. С. Люблинский с горечью писал, как стремительно рушится привычный уклад

жизни: улицы, некогда оживленные и уютные, теперь выглядят чужими и пустынными, а лица друзей, знакомых и коллег несут печать постоянной тревоги. Однако в тексте этого письма есть и отдельные ноты, которые можно считать оптимистическими. «Немцы действительно стараются не дать нам покоя, досаждают назойливо, бессмысленно с военной, гнусно с человеческой точки зрения. Они именно больше пакостят, чем причиняют реального вреда <...>. Не зная точно мест поражений, можно буквально часами ходить по улицам и кроме предварительно законченных витрин не заметить никаких следов военных разрушений, разве что кое-где выбиты стекла. Я не хочу сказать, что нет изуродованных зданий и жертв: но все это неизмеримо меньше того, что мы, обыватели, себе некогда представляли»⁹. Сегодня мы можем лишь гадать, чего больше в этом высказывании – реальной действительности или вполне объяснимого желания внутренне отгородиться от нее.

В первые месяцы войны письма ученого были полны переживаний, попыток разрешить накопившиеся внутренние конфликты. В них часто присутствовала неуверенность в собственных силах. В. С. Люблинский писал о «неразрешимом противоречии между <...> желанием быть полезным и существующими возможностями и воззрениями на это. Подготовка домовых групп самозащиты и подтягивание управхозяев – поприще, на котором многие другие могли быть полезнее, нежели я»¹⁰. Ситуация осложнялась тем, что должность В. С. Люблинского в МПВО предполагала не только хорошие организаторские навыки, но и солидную физическую подготовку, которой ученый из-за болезни сердца похвастаться не мог. Про свою работу в МПВО он писал, что «она приносит огромное удовлетворение только в моменты непосредственно «боевой» обстановки. Да и то больше тем, что сообразишь что-нибудь сделать, упущенное другими, а не тем, что делаешь»¹¹. В том же письме В. С. Люблинский сообщал жене, что ему пришлось «заниматься необычным делом и набраться давно неиспытанных впечатлений. Меня нарядили с двумя бойцами и двумя девушками из детдома на грузовике съездить грузить дрова – и я видел большой кусок города, рабочую окраину с баррикадами и следами войны, о которых до сих пор читал только в газете». К этим тяжелым воспоминаниям добавлялось, что «стоял чудный осенний день и было не холодно. Но, конечно, сама работа была тяжелой – она прошла как будто без вреда для

⁴ Люблинский В. С. // ОР РНБ. Ф. 1268. Оп. 1. Ед. хр. 1467, л. 1.

⁵ Там же. Л. 4.

⁶ Горонская Вера Эдгаровна (1909–1942) – сотрудник ГПБ, соседка семьи Люблинских по дому.

⁷ Люблинский В. С. // ОР РНБ. Ф. 1268. Оп. 1. Ед. хр. 1467, л. 2.

⁸ Там же. Л. 4.

⁹ Люблинский В. С. // ОР РНБ. Ф. 1268. Оп. 1. Ед. хр. 1467, л. 11.

¹⁰ Там же. Л. 36.

¹¹ Там же. Л. 17.

моего сердца, но все же это занятие совсем мне не по плечу – я ведь не занимался этим с субботников в 1931 г.»¹².

Люблинский отправлял жене письма и карточки регулярно – не реже одного раза в неделю, и описания тех или иных событий и впечатлений могли в них повторяться. Связано это с тем, что риск потери корреспонденции в военное время был очень высок и ученый хотел быть уверенным, что жена получит хотя бы одно из его посланий. Практическими причинами объяснялось и предпочтение почтовых карточек: во время дежурств, когда каждая минута оказывалась на счету, длинные письма были непозволительной роскошью. В карточке же можно было кратко, но емко передать главное: несколько строк о быте, пара фраз о текущих занятиях, упоминание событий последних дней. Но даже в таком ограниченном формате В. С. Люблинский сообщал жене мельчайшие детали своей повседневной жизни – от расписания дежурств в МПВО до случайных разговоров с общими знакомыми. При этом тон его писем, как правило, был удивительно спокойным, в них отсутствовали какая-либо экзальтация и видимое эмоциональное напряжение. Их писал человек, ясно осознающий масштаб происходящего и принимающий реальность как неизбежность, которую он не в силах изменить.

Письма В. С. Люблинского жене неизменно были наполнены искренней заботой и душевным теплом. Ученый расспрашивал ее о жизни в эвакуации, о бытовых условиях, окружении, эмоциональном состоянии. В каждой строчке чувствовалось стремление поддержать жену, дать понять, что, несмотря на разлуку, она постоянно присутствует в его мыслях. Он понимал, что Александра Дмитриевна очень тяжело переживает эвакуацию и утрату привычного уклада. *«Ты не можешь себе представить, – писала она, – что это такое, перейти почти внезапно от полной и занятой жизни с друзьями и делом к немому молчанию и оторванности от всех и всего»* [История библиотек..., 2006, с. 315]. Первое время В. С. Люблинский старался оберегать жену от плохих новостей, он сознательно опускал упоминания трудностей, смягчал описания суровых реалий блокадного быта. И почти в каждом письме настойчиво повторял одну и ту же мысль: хорошо, что она уехала из Ленинграда. *«Для меня лично огромным фактом спокойствия является осознание того, что при каждом очередном налете тебе ничто не угрожает и даже просто то, что ты не мерзнешь в квартире и на службе, а особенно, что тебе не приходится иногда часами сидеть по ночам в холодных парадных,*

*а днем зябнуть в очереди за тарелкой супа или каши»*¹³. Несмотря на уверенность супруга в правильности принятого решения об эвакуации, А. Д. Люблинская не разделяла его точки зрения и постоянно писала о своем желании вернуться в город: *«Думаю о Ленинграде с воодушевлением и несмотря на твою радость, что я уехала, считаю свой отъезд ошибкой. <...> Я буду счастлива, когда вернусь домой, как бы тяжело там ни было»* [История библиотек..., 2006, с. 315].

Октябрь 1941 г. в осажденном городе, судя по письмам В. С. Люблинского, был еще относительно спокойным. Несмотря на тяготы блокады, горожане все же находили возможности для интеллектуальной жизни: ходили в кино, посещали театры, а вечерами много читали. На фоне общих представлений о блокаде это кажется почти невероятным, однако в первые осенние месяцы город еще сохранял отдельные черты привычного уклада. *«У нас идет снег. Наконец довольно мокрый, и поэтому последние два вечера совсем тихие. Вчера читал Хемингуэя. <...> Наши были сегодня в театре. <...> А сколько я за эти месяцы перевидал кинокартин!»*¹⁴. В этих строчках сквозит желание отрешиться от тягот военного быта и жить обычной жизнью. Несомненно, такая тяга к «нормальности» была защитным механизмом, оберегавшим психику человека от мрачной действительности. В почтовой открытке, датированной 3 ноября 1941 г., В. С. Люблинский писал: *«Живем мы по-прежнему, за последние полмесяца даже значительно спокойнее прежнего (в смысле налетов). <...> В воскресенье днем был в Филармонии, исполнялись “Ромео”*¹⁵, *си-мажорный фортепианный концерт Чайковского; дирижировал Рабинович*¹⁶. *В отношении качества комментариев не требуется, но важен сам факт»*¹⁷. Посещение филармонии, концерт, музыка – все это отсылки к той прежней, «нормальной» жизни. Но одновременно это и акт интеллектуального сопротивления, напоминание о том, что, пока в осажденном городе существует культурная жизнь, он и его жители остаются несломленными.

С первых чисел ноября письма В. С. Люблинского к жене стали длиннее и приобрели более мрачную окраску. В них все сильнее проявлялось беспокойство, все чаще звучали невеселые раздумья о будущем. *«На днях впервые за время мне привелось услышать отчетливый звук полета снаряда и разрыва на расстоянии пяти-шести домов. Это вовсе не похоже на звук гигантского*

¹³ Люблинский В. С. // ОР РНБ. Ф. 1268. Оп. 1. Ед. хр. 1467, л. 10.

¹⁴ Там же. Л. 21.

¹⁵ Возможно, имелась в виду увертюра «Ромео и Джульетта» П. И. Чайковского.

¹⁶ Рабинович Николай Семенович (1908–1972) – дирижер и педагог, профессор Ленинградской консерватории.

¹⁷ Люблинский В. С. // ОР РНБ. Ф. 1268. Оп. 1. Ед. хр. 1467, л. 23.

¹² Люблинский В. С. // ОР РНБ. Ф. 1268. Оп. 1. Ед. хр. 1467, л. 18.

банджо, как описывал Хемингуэй»¹⁸. «Время стало еще суровее и ответственнее. Никогда еще не приходилось видеть историю собственными глазами так близко и непосредственно, даже в годы гражданской войны. Историк, сидящий во мне, этим, конечно, удовлетворен» [цит. по: Вольфцун, 2008, с. 193].

Блокадная реальность Ленинграда, резко контрастировавшая с ранее устоявшимся жизненным укладом, болезненно отзывалась в душе ученого. Он остро ощущал разрыв между прежним миром и суровой действительностью, которая день ото дня становилась все более жестокой. Осознавая собственные психологические трудности, В. С. Люблинский писал, что «со своим эгоцентризмом и, главное, медлительностью реакций» он «безобразно» отстаёт «от полного осмысления событий. <...> Зная все жуткие факты, словно впервые осознаешь, что все это не во сне»¹⁹.

Несмотря на тяжелое моральное состояние, физически В. С. Люблинский чувствовал себя вполне сносно, о чем писал жене постоянно, прося ее не волноваться. Как сотрудник МПВО, он имел улучшенное питание и мог хоть и немного, но помогать знакомым, у которых паек был более скудный. Основную заботу В. С. Люблинский проявлял об их домработнице Марусе²⁰, которая благодаря ученому смогла пережить блокаду. Практически в каждом письме к жене он сообщал, что всячески помогает Марусе не только с продуктами, но и в бытовых вопросах, хотя, по его мнению, «кусочек хлеба и немного сахара раз в несколько дней нельзя назвать помощью»²¹. А. Д. Люблинская искренне переживала за домработницу, поэтому просила мужа: «пиши все, что знаешь о близких, особенно о Марусе» [История библиотек..., 2006, с. 315].

Как уже отмечалось, потребность делиться мыслями с близкими людьми или доверять их бумаге была неотъемлемой чертой личности В. С. Люблинского на протяжении всей его жизни. Поэтому ограничение в четыре страницы, установленное для писем военного времени, стало для него настоящим испытанием. Владимир Сергеевич очень часто отправлял жене подробные послания, наполненные деталями и эмоциями. При этом он нередко корил себя за то, что иногда «безобразно долго не писал», хотя интервалы между письмами никогда не превышали десяти дней. Этот срок он искренне считал непозволительно долгим – настолько велика была его потребность сохранять живую связь.

Стараясь как можно больше поддерживать близкого ему человека, сам Люблинский тоже очень нуждался в такой поддержке. «Как бы мне хотелось, чтобы ты могла проникнуть в мой внутренний мир, непривычный для меня самого не менее, чем непривычна наша ленинградская обстановка», – писал он 7 ноября. Не отчаиваться помогала вера в неизбежность перелома в ходе войны и в конечную победу: «Слушали по радио текст речи товарища Сталина (на параде). Ну, несколько месяцев, полгода-то мы еще продержимся, а в этом случае, конечно, вся международная обстановка так изменится, что не позднее, чем через год с нынешней Германией будет покончено. А для Ленинграда страшная пора несомненно закончится гораздо раньше»²².

Важным источником внутренней силы для ленинградцев оставались книги: они помогали отвлечься от постоянного голода, страха и усталости. Для В. С. Люблинского чтение было неотъемлемой частью выживания и сохранения ясности мысли: «Дочитал первый том истории философии. Набрал в библиотеке еще несколько книг, в том числе шестнадцатый том Маркса-Энгельса»²³. Особенно яркими для него событиями становились встречи с коллегами и деятелями искусства, оставшимися в городе. «Три дня тому назад я получил прекрасную зарядку на встрече военных писателей с агитаторами. Был очень яркий – с необычными историческими оценками и перспективами доклад Вишневецкого²⁴, как всегда, богатый и примерами из исторических дел балтийцев, и очень подъемный. Затем выступило несколько поэтов и писателей, но это было просто приятно и не выше среднего, а зато, когда Вера Инбер прочла главу из своей неоконченной поэмы “Пулковский меридиан” <...> я был очень рад возможности потом обменяться несколькими словами с автором»²⁵.

Размышления о необходимости продолжения научной работы, стремление быть максимально полезным не покидали В. С. Люблинского на протяжении всей блокады. При этом обрушившийся на ученого груз жизненных проблем не давал ему вести активную научную деятельность: «Я по-прежнему больше всего страдаю только и именно от того, что так бездарно и неэффективно используются мои силы и знания, мое желание и умение по-настоящему работать», – писал он жене в ноябре 1941 г.²⁶

²² Люблинский В. С. // ОР РНБ. Ф. 1268. Оп. 1. Ед. хр. 1467, л. 28.

²³ Там же. Л. 31.

²⁴ Вишневецкий Всеволод Витальевич (1900–1951) – писатель, киносценарист и драматург, журналист, военный корреспондент. Лауреат Сталинской премии первой степени (1950).

²⁵ Люблинский В. С. // ОР РНБ. Ф. 1268. Оп. 1. Ед. хр. 1467, л. 53.

²⁶ Там же. Л. 45.

¹⁸ Люблинский В. С. // ОР РНБ. Ф. 1268. Оп. 1. Ед. хр. 1467, л. 26.

¹⁹ Там же. Л. 29.

²⁰ Филиппова Мария Филипповна (1904 – после 1985) – домработница В. С. и А. Д. Люблинских.

²¹ Люблинский В. С. // ОР РНБ. Ф. 1268. Оп. 1. Ед. хр. 1467, л. 26.

В конце последнего осеннего месяца обстановка в блокадном Ленинграде стала стремительно ухудшаться. В эти дни В. С. Люблинский находился на казарменном положении, проводя большую часть времени на дежурствах. Бывать дома ему практически не удавалось. Ученый следил за состоянием здания библиотеки, вел занятия по противовоздушной обороне с бойцами МПВО – в основном молодыми женщинами и девушками, также находившимися на казарменном положении [Враская, 1987, с. 239]. Люблинский даже просил супругу писать ему письма на адрес библиотеки, так как добраться до нее было быстрее и проще, чем до дома, и сил на это уходило гораздо меньше²⁷. Эта просьба сильно обеспокоила А. Д. Люблинскую и вызвала у нее непонимание. В спешном ответе она написала мужу: *«Почему ты просишь телеграфировать в библиотеку? <...> От полной туманности не спала всю ночь и послала тебе сегодня молнию»* [История библиотек..., 2006, с. 315].

С наступлением зимы писать письма становилось все труднее. В архиве сохранилось всего несколько почтовых карточек и два письма, одно из которых В. С. Люблинский начал писать жене в последние минуты уходящего 1941 г. – 31 декабря в 23:52. Почерк ученого стал менее разборчив – пальцы, онемевшие от холода, с трудом удерживали перо. Он не забыл извиниться за это, коротко заметив: *«Руки совсем замерзли»*²⁸. Несмотря на цензурные ограничения, письмо получилось очень объемным: В. С. Люблинский не только поздравлял жену с новогодними праздниками, но и делился с ней тем немногим, что могло ее порадовать.

Письмо было продолжено 2 января 1942 г. рассказом о неожиданном событии того дня: в 11 утра В. С. Люблинского отправили в театр на оперетту Л. Варнея «Три мушкетера», либретто для которой написал М. Зощенко. Спектакль шел в исполнении *«жалких остатков труппы Музкомедии в промерзшем театре имени Пушкина»*²⁹. Новый год, пусть и встреченный в осажденном и измученном голодом городе, все равно должен был принести хотя бы крупицу радости, проблеск надежды и веру в то, что совсем скоро все изменится к лучшему.

Вера жила не только в сердцах тех, кто оставался в блокадном Ленинграде. Находившаяся за тысячи километров от родного города А. Д. Люблинская в первый день 1942 г. написала мужу: *«Сегодня новый год. <...> Сегодняшний день в моем представлении является переломным для нынешней зимы. Мне кажется, будто в новом году все будет становиться лучше и лучше. <...>*

И особенно, конечно, будет лучше на фронтах» [История библиотек..., 2006, с. 321]. Эти мысли разделял и Владимир Сергеевич. Свое новогоднее письмо он завершил такими словами: *«Письма – это такое сокровище, а письма из блокадного Ленинграда должны звучать такой гордостью за человеческое достоинство и героизм советских людей и такой непоколебимой верой в то, что все лишения будут увенчаны скорой победой!»*³⁰. Очевидно, что уже тогда В. С. Люблинский понимал: блокадные письма – это не просто обмен новостями между близкими, но документы эпохи, в которых отражается дух времени и характер жителей Ленинграда.

Заключение

Переписка военного времени Владимира Сергеевича и Александры Дмитриевны Люблинских представляет собой важный исторический источник. В ней описания трагических событий тесно переплетаются с личными переживаниями. Письма позволяют провести анализ личности выдающегося ученого, увидеть его внутренний мир во всей сложности и многогранности.

В каждом письме В. С. Люблинского отражаются разные черты его характера и мировоззрения. Прежде всего, перед нами возникает образ заботливого, любящего мужа, который искренне беспокоится о благополучии жены, стремится поддержать ее даже на расстоянии, поделиться последними новостями. В. С. Люблинский старается не перегружать Александру Дмитриевну своими проблемами и не усиливать беспокойство, смягчая описания тягот блокадной жизни.

Кроме того, письма раскрывают В. С. Люблинского как человека высокой интеллектуальной культуры и строгой научной дисциплины. Даже в экстремальных условиях он сохраняет привычку анализировать происходящее, фиксировать впечатления и делать выводы. В письмах присутствуют размышления о сути исторических событий и их влиянии на судьбы людей, наблюдения за поведением горожан в условиях блокады, реакциями на стресс и лишения, заметки о культурной жизни осажденного города, философские обобщения о ценности человеческой жизни, силе духа и значении памяти.

Несмотря на расстояние, разделявшее адресатов, письма В. С. Люблинского создают ощущение соприсутствия: ученый делится своими ежедневными впечатлениями, описывает городские пейзажи, рассказывает о встречах с общими знакомыми. Поразительным образом он проявляет способность находить красоту и смысл даже в суровых реалиях блокады, давая тем самым повод для осторожного оптимизма.

²⁷ Люблинский В. С. // ОР РНБ. Ф. 1268. Оп. 1. Ед. хр. 1467, л. 35.

²⁸ Там же. Л. 54.

²⁹ Там же. Л. 55.

³⁰ Люблинский В. С. // ОР РНБ. Ф. 1268. Оп. 1. Ед. хр. 1467, л. 56.

Блокадные письма В. С. Люблинского демонстрируют также динамику внутреннего состояния ученого – от неопределенности первых дней в окруженном городе до постепенной адаптации к новым суровым условиям. Сентябрьские письма пронизаны не только сильной тревогой за будущее и стремлением осмыслить происходящее, но и желанием сохранить привычный ритм жизни с помощью фиксации повседневных дел и деталей быта. С наступлением глубокой осени тон писем начинает меняться, в них появляются описания тягот существования в блокадном городе. В декабре 1941 г., когда голод и холод охватили Ленинград, новости о знакомых, друзьях, коллегах все чаще становились трагичными, а на длинные письма ученому уже не хватало сил.

Письма В. С. Люблинского, написанные в первые месяцы блокады Ленинграда, позволяют проследить эволюцию мировоззрения подлинного русского интеллигента, проходящего через тяжелейшие испытания, но сохранившего при этом ясность мысли, чувство долга и веру в неминуемую и скорую победу. Публикация полного корпуса личных документов В. С. Люблинского, относящихся к периоду 1941–1945 гг., расширит источниковую базу для изучения истории блокады и деятельности ГПБ в годы Великой Отечественной войны.

*Авторы прочитали и одобрили
окончательный вариант рукописи.
The authors have read and approved
the final manuscript.*

Вклад авторов
Д. А. Эльяшевич: обоснование концепции исследования, планирование исследования и формулировка задач, анализ и обобщение данных, написание и редактирование текста рукописи.

Е. Ю. Иконникова: обоснование концепции исследования, работа с неопубликованными материалами В. С. Люблинского, анализ и обобщение данных, написание текста статьи, оформление статьи и метаданных в соответствии с требованиями журнала «Библиосфера».

Authors' contribution

D. A. Elyashevich: substantiation of the research concept, research planning and formulation of tasks, data analysis and synthesis, writing and editing of the manuscript text.

E. Yu. Ikonnikova: substantiation of the research concept, work with unpublished materials by V. S. Lyublinsky, data analysis and synthesis, writing the article text, formatting the article and metadata in accordance with the requirements of the journal "Bibliosphere".

Конфликт интересов. Д. А. Эльяшевич входит в редакционную коллегию журнала «Библиосфера», но не имеет никакого отношения к решению редколлегии опубликовать эту статью. Статья прошла принятую в журнале процедуру рецензирования. Об иных конфликтах интересов автор не заявлял.
Е. Ю. Иконникова заявляет об отсутствии конфликтов интересов, требующих раскрытия в этой статье.

Conflict of interest. D. A. Elyashevich is a member of editorial group of Bibliosphere but has nothing to do with the decision of the editorial board to publish this article. The article has undergone the peer review process accepted in the journal. The authors did not declare any other conflicts of interest. E. Yu. Ikonnikova declare no conflict of interest related to this article.

Список источников / References

- Блокадной памяти страницы : сб. воспоминаний блокадников / ред.-сост. Т. Прокофьева. Иерусалим : Филобиблон, 2018. 20 с. [Prokof'eva T (ed.-comp.) (2018) Blockade memory pages: a collection of memories of the blockade survivors. Jerusalem: Philobiblon. (In Russ.)].
- Блокадные нарративы : сб. ст. / сост.: П. Барскова, Р. Николози. Москва : Новое лит. обозрение, 2017. 330 с. [Barskova P and Nikolozi R (comps) (2017) Blockade narratives: collection of articles. Moscow: Novoe lit. obozrenie. (In Russ.)].
- В память ушедших и во славу живущих. Письма читателей с фронта. Дневники и воспоминания сотрудников Публичной библиотеки, 1941–1945 / сост.: Ц. И. Грин [и др.]. Санкт-Петербург : Изд-во Рос. нац. б-ки, 1995. 274 с. [Grin TsI [et al.] (comps) (1995) In memory of the departed and for the glory of the living. Letters of readers from the front. Diaries and memories of the Public Library staff, 1941–1945. Saint Petersburg: Izd-vo Ros. nats. b-ki. (In Russ.)].
- Варганова Г. В., Михеева Г. В., Эльяшевич Д. А. Библиотеки блокадного города. Санкт-Петербург : СПбГИК, 2019. 223 с. [Varganova GV, Mikheeva GV and Elyashevich DA (2019) Libraries of the besieged city. Saint Petersburg: SPbGIK. (In Russ.)].
- Вольфцун Л. Б. От Корбийского скриптория до века Просвещения. Из истории изучения западноевропейской культуры в России. Санкт-Петербург : Феникс, 2008. 248 с. [Vol'fcsun LB (2008) From the Corbie scriptorium to the Age of Enlightenment. From the history of Western European culture studies in Russia. Saint Petersburg: Feniks. (In Russ.)].
- Враская О. Б., Гранстрем Е. Э. Палеограф и историк книги В. С. Люблинский и его личный архив // Археографический ежегодник за 1986 г. Москва, 1987. С. 236–241 [Vraskaya OB and Granstrem EE (1987) Paleographer and book historian V. S. Lyublinsky and his personal archive. *Arkheograficheskii ezhegodnik za 1986 g.* Moscow, pp. 236–241. (In Russ.)].
- История библиотек: исследования, материалы, документы. Вып. 6 / сост. И. Г. Матвеева. Санкт-Петербург : Рос. нац. б-ка, 2006. 432 с. [Matveeva IG (comp.) (2006) The history of libraries: research, materials, documents. Iss. 6. Saint Petersburg: Ros. nats. b-ka. (In Russ.)].
- Краткий словарь оперативно-тактических и общевоенных слов (терминов). Москва : Воениздат, 1958. 325 с. [(1958) Brief dictionary of operational-tactical and general military words (terms). Moscow: Voenizdat. (In Russ.)].
- Михеева Г. В. Российская национальная библиотека в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). Санкт-Петербург : Изд-во Рос. нац. б-ки, 2020. 142 с. [Mikheeva GV (2020) The Russian National Library during the Great Patriotic War (1941–1945). Saint Petersburg: Izd-vo Ros. nats. b-ki. (In Russ.)].
- Публичная библиотека в годы войны, 1941–1945: дневники, воспоминания, письма, документы / сост.: П. Л. Вахтина, М. К. Свиченская. Санкт-Петербург : РНБ, 2005. 576 с. [Vakhtina PL and Svichenskaya MK (comps) (2005) The Public Library during the war years, 1941–1945: diaries, memoirs, letters, documents. Saint Petersburg: RNB. (In Russ.)].
- «Я знаю, что так писать нельзя». Феномен блокадного дневника / сост. А. Ю. Павловская. Санкт-Петербург : Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2022. 462 с. [Pavlovskaya AYu (comp.) (2022) “I know that you can’t write like this”: the phenomenon of the blockade diary. Saint Petersburg: Izd-vo Evrop. un-ta v Sankt-Peterburge. (In Russ.)].
- Яров С. В. Повседневная жизнь блокадного Ленинграда. Москва : Молодая гвардия, 2013. 310 с. [Yarov SV (2013) Daily life of besieged Leningrad. Moscow: Molodaya gvardiya. (In Russ.)].